

Н.Ф. Демидова. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 718 с.

Выход в свет рецензируемого труда – знаменательное событие для специалистов по истории России XVII в., в особенности занимающихся властными структурами и эволюцией государственного аппарата. Он пополнил собой весьма скромный ряд имеющихся в этой области работ справочного характера – А.П. Барсукова, С.К. Богоявленского, С.Б. Веселовского¹. Отмечу, что их появление отделяют друг от друга промежутки в десятки лет (от 30 до 45). Создание подобных трудов не может быть частым, учитывая трудоёмкость работы, связанной с выявлением данных в архивных документах. Характеризуемое издание базируется в отличие от предыдущих главным образом на архивных источниках, хранящихся по преимуществу в РГАДА. В справочнике содержатся биографические сведения о нескольких тысячах служилых людей центральных и местных учреждений с 1620-х гг. по первое десятилетие XVIII столетия. Это первый столь масштабный в отечественной историографии XX–XXI вв. труд о служащих государственного аппарата России XVII в. Объём помещенной в нём информации внушителен как по охвату включённых в него персоналий, так и по основательности приводимых сведений, что важно и само по себе, и, кроме того, раздвигает формальные рамки справочника, придавая ему фундаментальность.

Появление рецензируемого издания органично вытекает из исследований Н.Ф. Демидовой, посвящённых становлению абсолютизма в России – теме, активно изучаемой и дискутируемой в отечественной историографии 1960–1970-х гг. Исходя из важности познания не только функционирования государственных учреждений, но и действующих в их системе людей – приказных управленцев, Н.Ф. Демидова в ряде статей характеризовала комплектование, социальное проис-

хождение и обеспечение кадров центрального и местного аппаратов управления. Полученные наблюдения и выводы были развиты в вышедшей в 1987 г. монографии². В ней автор впервые фундированно представила функционирование групп разной социальной принадлежности и статуса, профессионально служивших на протяжении XVII в. в центральных приказах и местных учреждениях, проследив постепенное превращение их в особую сословную категорию «служилых» людей. Формирование личного состава государственного аппарата было прослежено на основе архивных источников, содержащих или позволяющих извлечь данные для характеристики состава, численности, земельного и денежного жалования дьяков и подьячих XVII в.

Глубоко проработанные в книге Н.Ф. Демидовой вопросы стали предпосылкой для создания рассматриваемого издания. Его документальную оснащённость составили источники, собранные как при работе над монографией, так и в ходе последовавшего затем многолетнего подвижнического труда по сбору в разных фондах РГАДА персональных «послужных» данных приказных деятелей. Исследовательница, конечно же, не ограничилась систематизацией полученных сведений, а проделала скрупулезную работу по атрибуции каждого из действовавших персонажей и идентификации сведений о них. Работа такого рода требует высочайшей квалификации и глубокого знания проблем истории государственного управления России XVII в., а также превосходного владения методами источниковедения, архивоведения, документоведения и делопроизводства той эпохи. Н.Ф. Демидова – учёный, обладающий филигранными познаниями в названных областях исторической науки, и поэтому она с большой ясностью определила за-

дачу рецензируемого труда. Её суть состоит в «максимально полном охвате всех разрядов приказных людей государственного звена управления – дьяков думных и приказных, подьячих с приписью и со справой, старых подьячих, подьячих средней и меньшей статьи (молодых), а также представителей земской администрации, близкой к приказным людям (в комплектовании, жаловании, службе). Как правило, это относится к площадным дьячкам, подьячим ямских и таможенных изб и т.д. Учёт этих нередко сливающихся групп особенно важен для понимания больших городских миров» (с. 4). Справочник включает ранжированные данные о службе: с высшей ступени – думных дьяков, затем руководителей-судей центральных приказов до самой нижней – подьячих и дьячков местных приказных, таможенных изб, кружечных дворов. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Включение в справочник лиц низшего управленческого звена, которое занимало промежуточное и одновременно связующее положение между государственной и самоуправленческой ветвями администрации на местах, безусловно, должно быть оценено положительно. Ведь порой затруднительно отнести таких лиц к определённой группе местных служилых людей, тем более учитывая нюансы местного управления (например, в северных, южных, или сибирских уездах). Следует принять во внимание и факт постепенного государственствования их службы в течение XVII в.

Осуществление поставленной задачи требовало опоры на источники широкого делопроизводственного диапазона, сложившиеся в деятельности центральных и местных учреждений XVII в. Прежде всего, были привлечены материалы Разрядного приказа, в компетенцию которого входили комплектование, учёт и обеспечение служилых людей, в том числе и приказных. Все поэтапные служебные назначения, сопровождавшиеся получением вознаграждений в виде повышений в чинах и жалования, фиксировались в соответствующих документах: книгах («боярских», «кормлёных» четвертей), разнообразных списках и росписях, в том числе имеющих сводный характер. Наряду с фондом Разрядного приказа исполь-

зовались документы таких значимых учреждений, как Поместный, Посольский, Смоленский, Патриарший приказы, с привлечением в необходимых случаях материалов других архивохранилищ. Избранный в справочнике принцип базирования издания, главным образом, на сведениях, полученных из архивных подлинников, гарантирует верифицированность приводимых в нём данных, избавление от возможных неточностей и ошибок, подобных встречавшимся в предшествующих публикациях.

Для изданий, подобных рецензируемому, первостепенное значение имеет набор сведений, помещаемых в справочную статью. Составители придерживались при её построении нескольких основополагающих принципов: а) антропонио-просопографического; б) хронологическо-послужного; в) материального обеспечения. Конечно, снабдить соответствующими сведениями каждого включённого в справочник служилого человека в равной степени не представлялось возможным из-за недостатка или отсутствия нужных данных. От статуса и места того или иного лица в служебной иерархии, длительности самой службы в определенной степени зависела полнота фиксации показаний в источниках и их отражения в справочнике. В качестве основных показателей выбраны: хронологические сроки службы приказных «управленцев» и пребывания в том или ином чине, фактические изменения в «карьере», в размерах жалования – первичного и прибавляемого, поместного и/или денежного, а также приведена, когда это возможно, дата смерти и названы родственники. Сами составители отдают себе отчёт в том, что «полученные сведения не отражают всей деятельности учтённых в справочнике приказных людей», вместе с тем они гарантируют «полноту отражения ряда “кадровых” вопросов». В целом же о каждом из большей части приказных деятелей читатель получает достаточно подробный послужной список за более или менее длительные периоды времени. Поясню свою мысль на примерах. Так, Василий Архипов в 1625 г. был подьячим с приписью (правом подписывать документы, исходившие от воевод) в приказной избе Сольвычегодска. В 1626–1627 гг.

он – подьячий в Москве в приказе Устюжской четверти, в 1626–1628 гг. с писцами И.С. Благово и П.Н. Мансуровым проводил описание Сольвычегодского уезда. В 1628–1630 гг. он служил в приказной избе Устюга Великого подьячим с приписью и был приставлен к окладным и неокладным сборам. Умер около 1630 г. (с. 47). Кратко обозначенные в статье данные говорят о фактах службы Архипова. В Сольвычегодской приказной избе он был вторым лицом после управлявшего уездом воеводы. Затем последовало перемещение (которое можно оценить как служебное повышение) в столичный приказ, ведавший местным региональным управлением, потом – участие в важнейшем государственном мероприятии – общем описании земель Европейской России, проводившемся после событий Смутного времени для определения платёжеспособности населения и исчисления налогообложения. После этого он получает назначение в самый крупный город Севера – Устюг – для ответственной службы в финансовой сфере. Другой деятель, Михаил Смывалов, в 1616/17 г. значился торговым человеком, затем был пожалован в дьяки и возглавлял Устюжскую четверть с 1622 по 1631 г. (когда его сменил дьяк Пантелей Чириков). В 1622/23 г. Смывалову было «учинено» окладное жалование в 100 руб. и поместное в 800 четвертей (400 десятин) земли, повышенное в 1630 г. до 150 руб. и 900 четвертей. Наряду с этим в 1625 г. ему передано из поместного в вотчинное владение 60 четвертей в Московском и 242 четверти в Переславль-Залесском уездах. Интересно, что во время Смуты Смывалов находился в осажденном Переславле-Залесском, где «взятие у города делал»; а «в королевичев приход в Москве в осаде сидел» (с. 522). В справочной статье зафиксирована активная позиция человека, происходившего из торговых людей, который в годы смутного лихолетья участвовал в военных действиях. Пожалованный в дьяки, Смывалов на протяжении 10 лет возглавлял один из значительных приказов с финансовой компетенцией, каким была Устюжская четверть, куда поступали окладные налоги и неокладные сборы с Устюжского, Сольвычегодского, Тотемского, Чарондского

уездов Севера. Приведенные примеры о службе лишь двух приказных людей ясно представляют их фигуры на фоне эпохи. Они разного социального происхождения, но их долговременная управленческая служба была связана с Севером России, который в XVI–XVIII вв. представлял собой регион, отличный от центральных уездов по экономическим условиям и социальному составу населения (достаточно указать на отсутствие здесь крепостных крестьян). Оба приказных деятеля, скорее всего, знали его особенности, обладали опытом и квалификацией, которые нашли соответствующее применение и были реализованы в специализированной сфере государственного управления.

При работе над справочником составители встретились с рядом трудностей. Одна из них связана с именованием собранных в справочнике лиц. Исследователям, обращающимся к антропонимическому материалу источников XV–XVIII вв., знакома орфографическая неустойчивость в фиксации имён, разнообразие их форм, особенно уменьшительных. Другая проблема вызвана существованием двуименности (имя крестильное и мирское) одного лица, отсутствием фамилии в современном понимании, сложностью установления прозвища, определённо фамильного или могущего стать со временем таковым, с пульсацией имён и прозваний одного лица, возводимых то к отчеству, то к дедичеству. Ещё одна антропонимическая особенность – это распространение одноименности (например, имя Иван у разных носителей даже в одной семье) и некалендарных имён, когда под одним именем и/или фамильным прозвищем скрывались разные лица, или один и тот же человек имел два прозвища. Такие признаки именования были всеобщими и характерны для разных социальных групп тогдашнего общества. Преодоление названных сложностей служит залогом верной идентификации того или иного лица. Решение всех антропонимических задач, очень трудоёмких по времени, было наущной необходимостью, так как ответ на них влияет на качество справочника.

Подытоживая рассмотрение рецензируемого издания, прежде всего, следует подчеркнуть фундаментальность приво-

димых сведений о большинстве из служивших приказных людей. Публикация справочника даёт в руки исследователей основанный на подлинных документах конкретный материал о служивых людях разных «чинов», находившихся на различных ступенях управленческой лестницы. Данные о личных карьерах, собранные, а затем компактно помещённые в каждой из статей, позволяют установить, как происходило продвижение по служебной лестнице, сопровождавшееся увеличением жалованья, как земельного, так и денежного, повышением социального статуса. В целом же по материалу справочника можно понять, каким образом «управленцы» XVII в. в течение жизни выстраивали свои служилые стратегии.

Е.Н. Швейковская

Примечания

¹ Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902; Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

² Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 206–242; она же. Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования) // Исторические записки. Т. 90. М., 1972. С. 332–354; она же. Государственный аппарат России в XVII в. // Там же. Т. 108. М., 1982. С. 109–154; она же. Социальная база комплектования местной группы приказных людей XVII в. // Феодализм в России. М., 1987. С. 245–251; она же. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

G. Hausmann. Mütterchen Wolga. Ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH., 2009. 494 S.*

Монография немецкого историка, известного специалиста по Восточной Европе профессора Гвидо Хаусманна основывается на его докторской диссертации (Habilitationarbeit), защищенной в 2004 г. Она является плодом многолетней работы автора по выявлению и освоению обширного и разнородного круга источников и литературы на немецком, русском, английском и французском языках. Он не просто освещает роль и значение Волги в истории российского государства, но акцентирует внимание на восприятии самой большой европейской реки представителями разных социальных слоёв на протяжении целого ряда поколений, на постепенном возникновении «культы» реки в ходе колонизации волжского бассейна, растянувшейся на 400 лет. В центре исследования – воспоминания о поездках по Волге и переправах через неё.

В историографическом очерке автор выделяет четыре основных направления в специальной исторической литературе,

посвящённой исследованию рек: картография, изучение гидронимов, социальных и историко-экономических аспектов жизни приречных территорий, а также культурно-исторического значения рек. Признавая важность Волги для колонизации, миграции населения и других социально-экономических процессов, историк избирает «другую перспективу и иной центр тяжести с упором на исследование прошлых толкований экономических и социальных процессов или исторических событий» (S. 18). Что касается российских источников и литературы, то Хаусманн использует в работе практически все имеющиеся материалы по «волговедению», привлекает документы Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов, архивов Твери, Ярославля, Нижнего Новгорода и Казани, многочисленные труды российских историков, в том числе ведущих исследователей Института российской истории РАН – Я.Е. Во-

* Г. Хаусманн. Матушка Волга. Река как источник воспоминаний с XVI до начала XX века. Франкфурт-на-Майне: Кампус Ферлаг ГмбХ, 2009. 494 с.